

**О ПОДГОТОВКЕ СЛОВАРЯ
САМАРИТАНСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
(предварительное сообщение)**

А. С. ЖАМКОЧЯН

Исследование самаритянских рукописей в настоящее время — одна из перспективных отраслей семитологии в нашей стране и за рубежом. Исследования в этой области опираются на собрания многих библиотек Европы, Америки и Азии, среди которых второе место по объему и первос по научной значимости, множеству представленных жанров и древности рукописей занимает коллекция самаритянских рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. В СССР памятники самаритянской письменности имеются также в библиотеке Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Ивановском государственном объединенном историко-революционном музее¹.

Вместе с тем рукописные сокровища самаритянских фондов СССР разработаны в минимальной степени, во всяком случае несоизмеримо с их общепризнанной значимостью. После старых частичных описаний А. Я. Гаркави² и А. Я. Борисова (1929—30 гг.)³, в последнее время можно отметить лишь каталог В. В. Лебедева, включающий и самаритянские материалы⁴, а также статьи Л. Х. Вильскера, посвященные обзору некоторых групп памятников и отдельным документам. Ряд ценных наблюдений того же автора по рукописям ГПБ нашел отражение и в его работе «Самаритянский язык» (М., 1974). Вместе с тем комплексное изучение всех этих документов могло бы дать много новых интересных данных историкам, литературоведам и лингвистам.

Такое положение вещей имеет свои причины, охватить которые в полном объеме в рамках данной статьи мы, конечно, не в состоянии. Можно отметить, что самаритянскими исследованиями и у нас и за рубежом занимались обычно гебраисты широкого профиля, имевшие и многие другие научные интересы. Язык (или языки) самаритянских памятников с внешней стороны сложностей для них не представлял, хотя гебраистам, воспитанным на другой, богатейшей литературной традиции, самаритянская форма древнееврейского языка могла казаться «варварской»⁵. Кроме того, в значительном числе случаев сама-

¹ Л. Х. Вильскер. Самаритянские рукописи в библиотеках Советского Союза. — Народы Азии и Африки. 1979, № 4, с. 152—157.

² А. Я. Гаркави. Описание рукописей Самаритянского Пятикнижия, хранящихся в имп. Публичной библиотеке. Спб., 1874.

³ А. Я. Борисов. Собрание самаритянских рукописей А. Фирковича (отделы VI и VIII). Введение и публикация К. Б. Старковой — Палестинский сборник (в дальнейшем — ПС). Вып. 15 (78). М.—Л., 1966, с. 60—73.

⁴ В. В. Лебедев. Арабские документы IX—X вв. Каталог. Л., 1978 (Гос. публ. биб-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

⁵ M. Gaster. The Samaritans, their history, doctrines and literature, with six appendices and 19 ill. London, 1925, p. 99.

ритянская письменность интересовала ученых лишь в той мере, в какой она предоставляла материал для библейской интерпретации, преследовавшей вполне определенные цели, далекие от науки⁶. При такой постановке вопроса ученым вполне хватало знакомства с масоретской и талмудической традициями, а более поздняя история самаритянской общины их обычно не интересовала.

Отмеченные обстоятельства и определили судьбу самаритянской лексикографии. Хотя первый глоссарий самаритянских лексических особенностей был дан уже пионером самаритяноведения И. Моринусом (Морини)⁷, работы, претендующей на большую или меньшую полноту материала, насколько нам известно, до сих пор нет. В течение долгого времени единственным пособием по самаритянской лексикологии оставался „Lexicon Heptaglotton“ Эдмунда Кастеллуса (Кастелла), вышедший в 1669 г. (еще одно издание помечено 1686 г.) в качестве приложения к лондонской многоязычной Библии 1655—57 гг. В этом громоздком фоллиантном издании в полторы тысячи страниц самаритянские статьи буквально тонут в данных по другим пяти семитским языкам (персидский раздел помещен отдельно), и пользоваться им чрезвычайно неудобно. Включенная сюда лексика уже по условиям издания ограничена рамками самаритянского Таргума. Небольшие словарики приложены к работам Христофора Целлариуса (Келлера)⁸, Ю. Г. Петермана⁹, И. Розенберга¹⁰, они также ограничены характером соответствующих учебных текстов.

Существенным вкладом в самаритянскую лексикологию стала публикация З. Бен-Хайимом в 1957 г. еврейско-арабско-самаритянского словаря по рукописи 1476 г. Национальной библиотеки в Париже (Cod. Sam. № 9)¹¹. Словарь представляет собой расположенный по корневой системе перечень конкретных именных и глагольных форм, встречающихся в самаритянском Пятикнижии, в том числе глаголов в соответственном времени, лице и числе, имен в соответственном числе и состоянии; в конце каждой буквы дается перечень начинающихся на эту букву имен собственных. Все три разноязычных столбца словаря издание воспроизводит квадратным шрифтом, в обстоятельных постраничных примечаниях издатель дает ссылку на книгу, главу и стих Пятикнижия, где встречается та или иная форма, иногда приводит транскрипцию ее традиционного самаритянского чтения; издание снабжено указателями древнееврейской, арамейской (т. е. самаритянской) и арабской лек-

⁶ А. С. Жамкоян. Фрагмент самаритянского Пятикнижия в собрании ЛОИВАН СССР.—Историко-филологический журнал. 1984, № 2, с. 206; см. также: Journal Asiatique. 1980, pp. 441—449; 1983, pp. 179—186; 1983, № 3—4, pp. 385—389; 1984, pp. 223—235; M. Gaster. The Samaritans..., p. 100—102.

⁷ I. Morinus. Opuscula hebraeo-samaritana. Parisiis, 1657.

⁸ Chr. Cellarius. Horae samaritanae, hoc est excerpta Pentateuchi samaritanae versionis cum latina interpretatione novae, et annotationibus perpetuis; etiam grammatica samaritana copiosis exemplis illustrata et glossarium seu index vocabulorum. Gizaе, 1682.

⁹ Jul. Henr. Petermann. Brevis lingua samaritanae grammatica, litteratura, chrestomathia cum glossario. Carolshae et Lipsae, 1873.

¹⁰ J. Rosenberg. Lehrbuch der samaritanischen Sprache und Literatur mit Facsimile eine samaritanischen Briefes vom gegenwärtigen Hohenpriester der Samaritaner zu Hablus, Wien, 1901.

¹¹ Z. Ben Hayyim. The literary and oral tradition of the Hebrew and Aramaic amongst the Samaritans. The grammatical masoretical and lexicographical writings of the Samaritans, critically edited with Hebrew translation, commentary and introduction. Vol. II, Jerusalem, 1977, p. 435—616.

сики. Существенным недостатком этой публикации как рабочего инструмента является дефектность самой рукописи, которая начинается с

буквы «паман» $\left(\begin{smallmatrix} \sim & - & \lambda \end{smallmatrix} \right)$. В ряде случаев словарь дает интерпре-

тацию, отличающуюся от доступных нам самаритяно-арабских переводов Пятикнижия, что представляет особый интерес.

Возвращаясь к малой изученности самаритянских памятников, имеющих в наших хранилищах, нужно отметить, что значительную часть самаритянского письменного наследия, как, пожалуй, любой другой письменной традиции, составляют тексты традиционного (не обязательно полностью идентичного) содержания, предназначавшиеся преимущественно для использования в религиозной практике и для назидательного чтения. По каким-то спискам такие тексты уже изданы, и интерес большинства исследователей к соответствующим памятникам оказывается таким образом практически удовлетворенным. Более же глубокое исследование памятников традиционного содержания по многим сохранившимся спискам представляет значительные трудности и, можно сказать, только начинается. Методология работы с текстами традиционного содержания рассматривается в работе Л. П. Жуковской¹². Большой группе памятников посвящена статья И. В. Поздеевой «Русские литургические тексты как источник изучения русской государственной идеологии XVII в.»¹³ В обеих работах обращается внимание на важность соответствующих групп памятников для исторических и лингвистических исследований и подчеркивается необходимость максимально широкого охвата имеющегося материала.

Приступая к изучению самаритянского письменного наследия и уяснив основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь в данной области, мы пришли к выводу о необходимости подготовки словаря самаритянских письменных источников в качестве необходимого инструмента для дальнейшей работы. Поскольку в доступной нам литературе упоминаний о какой-либо готовящейся подобной работе обнаружить не удалось, мы сочли возможным приступить к выполнению этой насущной, на наш взгляд, задачи. Ниже излагаются предварительные соображения, касающиеся различных аспектов текущей и предстоящей работы по подготовке такого словаря. Некоторые моменты работы обусловлены как спецификой самаритянской письменной традиции, так и стремлением сделать словарь полезным максимально широкому кругу исследователей, в том числе арабистам, работающим со средневековыми текстами, на чем мы подробнее остановимся ниже. В настоящей статье мы и хотим изложить свои соображения по поводу того, каким должен быть такой словарь, учитывающий самаритянское трехъязычие и ряд других моментов. В значительной мере эти соображения диктуются нашим опытом работы с арабскими письменными источниками, но приведение конкретных примеров из арабской филологии, на наш взгляд, могло бы лишь увести в сторону от основного предмета статьи.

В основной корпус словаря предполагается включить лексику собственно самаритянских текстов—Таргума и других доступных нам про-

¹² Л. П. Жуковская. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

¹³ В. жн.: Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984.

изведений. Наиболее рациональным нам кажется построение словаря по алфавиту начальных форм, а не корней: м. р. ед. ч. прош. вр. глаголов и неопр. сост. имен, в том числе м. р. прилагательных. За заглавным словом словарной статьи, реально встречающимся в текстах или условно восстанавливаемым—в последнем случае оно заключается в скобки,—будут последовательно приводиться реально зафиксированные глагольные и именные формы с указанием на текст, из которого они взяты. Здесь мы используем принцип словаря, опубликованного З. Бен-Хайимом. Это, во-первых, поможет установить реминисценции в позднейших текстах¹⁴ и даст конкретный материал для исследователей арамейской и общесемитской морфологии, которые на максимальном фактическом материале смогут сделать достаточно надежные обобщения в дополнение к имеющимся работам. Кроме того, одна и та же производная форма может соответствовать нескольким начальным, которые в свою очередь могут иметь вторичное происхождение по ложной аналогии. В данном случае пока мы считаем наиболее целесообразным приводить все реально встречающиеся формы, воздерживаясь от скоропелых выводов. При них будет даваться оригинал из самаритянского Пятикнижия для цитат из Таргума и арабские соответствия, реально зафиксированные в самаритянских словарях и двуязычных текстах.

Приведение многочисленных арабских соответствий на первый взгляд может показаться излишним. Между тем ближневосточная филология показывает, что арабская языковая стихия в разных ее проявлениях оказала чрезвычайно сильное влияние на многие письменные языки ареала, обслуживающие и немусульманские конфессии. В средневековом иврите многочисленные переводы с арабского привели к возникновению нового стиля, характерного для научной литературы¹⁵. В средневековой Эфиопии «арабский язык до такой степени представлялся литературным по преимуществу, что многие оригинальные произведения (на классическом языке геэз,—А. Ж.) имеют за собой арабские наброски авторов»¹⁶. Бывали случаи, когда эфиопскими писателями становились природные арабы¹⁷. Аналогичное влияние отмечается в самаритянских текстах. В ряде списков самаритянского Таргума зафиксирована арабская по происхождению лексика. Некоторые исследователи видят искаженные писцами в течение веков арабские слова в пресловутых «кутизмах» самаритянского Таргума. Надеюсь еще вернуться к этому вопросу, пока мы скажем, что подбор зафиксированных в разновременных памятниках арабских эквивалентов самаритянской лексики, на наш взгляд, поможет проследить динамику развития определенных идей, что бросило бы дополнительный свет на историю самаритянской общины и ближневосточного поликонфессионального общества в целом. В любом случае нас здесь интересует не «подлинный текст» того или иного отрывка Пятикнижия, а его самаритянская интерпретация, в свою очередь отражающаяся на смысловой нагрузке соответствующих цитат и реминисценций в более поздних произведениях.

¹⁴ Наиболее вероятным нам кажется употребление выдержек из Пятикнижия со специфически самаритянской интерпретацией, что можно выяснить из изучения его самаритяно-арабских переводов. Об этом подробнее пойдет речь ниже.

¹⁵ Альфонсо. *Мейашер аков*. Изд. Г. М. Глускиной. М., 1983, с. 30.

¹⁶ Б. Тураев. Абиссинская литература.—В кн.: Литература Востока. Вып. 2. Пб., 1920, с. 155.

¹⁷ L. Ricci. Le vite di Ēnbāqom e di Yohannēs Abbati di Dabra Libanos discioa.—Estratto da „Rassegna di studi etiopici“. Vol. XIII. Roma, 1955, p. 91—120.

В подобной работе мы, конечно, не можем довести полноту ссылок на текст до степени конкорданса и считаем наиболее целесообразным взять за образец «Сирийский словарь» К. Броккельмана¹⁸, подобрав источникам краткие и удобные для запоминания слоглы.

Для удобства работы над текстами мы решили также ввести в корпус словаря с соответствующими ссылками лексические замечания, встреченные в доступных самаритяноведческих исследованиях.

Значительную сложность представляет вопрос орфографии. В классической филологии XIX в. он, как правило, решался в пользу нормализации, а орфографический разноречивый обычно объясняли малограмотностью переписчиков. Нам кажется необходимым сохранять все подобные варианты со строгой документацией по нескольким соображениям. Во-первых, некоторые варианты могли представлять, кроме отражения традиционного чтения того или иного периода, определенные локальные традиции. Как мы знаем, самаритянские общины существовали в разное время в Египте, Сирии, Ливане, Иране, Македонии и Риме¹⁹, и не исключено, что какие-нибудь орфографические мелочи в совокупности с другими признаками подскажут путь к идентификации тех или иных документов. Во-вторых, можно попытаться проследить, не скрывается ли за орфографическим разноречием какой-либо стихийной или сознательной дифференциации значений. В этом случае полученные данные бросят новый свет на, казалось бы, уже давно прочитанные и знакомые документы. В любом случае здесь необходима система перекрестных ссылок на возможные параллели.

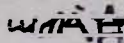
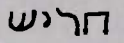
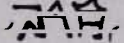
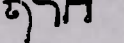
В основу собственно осамаритяно-арамейского словаря мы предполагаем положить публикацию З. Бен-Хайима, давшего своего рода указатель к самаритянскому Пятикнижию. Этот материал расписывается нами на карточки для каждой арамейской словоформы с соответствующими примечаниями З. Бен-Хайима и ссылкой на место текста. Далее предполагается дополнение словника по словарю Кастеллуса²⁰ (с восполнением лакуны парижской рукописи) и глоссариям вышеупомянутых работ, а также библиографическая фиксация замечаний по поводу отдельных лексем, рассыпанных по самаритяноведческой литературе. Подготовив таким образом возможно полный компендиум печатных лексикографических работ, можно отважиться приступить к обработке рукописных текстов. В этом плане и на этом этапе работы наибольший интерес представляют двуязычные рукописи, снабжающие самаритянский текст арабским переводом. Проверка соотношения параллельных текстов принесет, как надеемся, не зафиксированные ранее значения и оттенки значений, что позволило бы по-новому прочесть тексты уже изученные. Заключительным этапом подготовки словаря можно считать проработку одноязычных самаритянских публикаций и рукописных текстов, где значения отсутствующей в ранее обработанных источниках лексики, если таковая окажется, придется выявлять из контекста или параллельных мест.

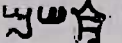
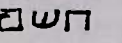
¹⁸ C. Brockelmann. *Lexicon Syriacum*, Ed. secunda. Halle Saxorum, 1928.

¹⁹ Л. Х. Вильскер. *Самаритянский язык*. М., 1974, с. 11.

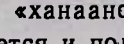
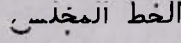
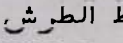
²⁰ E. Castellus. *Lexicon Heptaglotton, Hebraicum, Chaldaicum, Syriacum, Samaritanum, Aethiopicum, Arabicum et Persicum separatim*. Opus non tantum ad *Biblia polyglotta Londinensia, Biblia regia Parisiensia, Biblia regia Antwerpiana, Biblia que card. xi menii complutensia*. Londini, DCLXXXVI; E. Castellus. *Lexicon Heptaglotton, Hebraicum, Chaldaicum, Syriacum, Samaritanum, Aethiopicum, Arabicum et Persicum separatim*. Londini, DCLXIX.

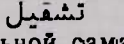
Значительная, если не подавляющая часть конкретных самаритянских рукописных памятников многоязычна и содержит фрагменты текста на древнееврейском, самаритянском и арабском языках. В этой связи мы не можем ограничиться самаритяно-арамейским словариком: в виде приложения к нему мы предполагаем дать глоссарии лексических особенностей самаритянских текстов на древнееврейском и арабском языках. «Новые» значения древнееврейских слов, не встречающиеся в Пятикнижии и развившиеся в самаритянской среде, отмечались, в частности, в еврейско-арабском словаре первосвященника Пинхаса конца IX—начала X вв.²¹ Л. Х. Вильскер приводит такие «неологизмы»

как — „молчание“, —

„острый (о пище)“, — „войско“.

Лексические особенности арабоязычной хроники Абу-л-Фатха середины XIV в. отмечались ее издателем Э. Фильмаром²², напр.

«порции», «ханаанеяне». Полезной для будущих исследователей нам представляется и подборка арабской номенклатуры характерных реалий самаритянского культурного обихода, упоминаемых в самаритяноведческой литературе. Это такие термины как «строгое письмо», «полукурсив»²³.

 «Запись переписчика Пятикнижия, сделанная по оригинальной самаритянской системе, когда буквы текста Пятикнижия, составляющие запись, выстраиваются в вертикальную линию посредине колонки текста»²⁴.

Полезным окажется, по-видимому, индекс арабской лексики, приводимой в основном корпусе словаря в качестве эквивалентов к самаритянской. В отличие от упоминаемой выше терминологии она в большинстве своем не носит узкоконфессионального оттенка, но представляет определенный интерес как памятник среднеарабского языка и, важнее, словоупотребления, отраженного во многих важных арабских исторических памятниках, но часто не замечаемого исследователями, что иногда приводит к смысловым ошибкам в их интерпретации.

Что касается чисто технической стороны оформления словаря, содержащего пестрый материал на нескольких языках, причем в случае заимствования повторяющийся, то нам кажется наиболее целесообразным передавать цитаты на древнееврейском языке квадратным шрифтом (без огласовки), а арабские эквиваленты—арабским письмом, оставив самаритянскую графику для собственно арамейского текста. Это, на наш взгляд, должно рельефно выделить текст на каждом языке и облегчить пользование словарем. Поскольку при печати будет, очевид-

²¹ Л. Х. Вильскер. Еврейско-арабские словари в самаритянском рукописном собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.—В кн.: Семитские языки. М., 1963, с. 150.

²² Abulfathi annales Samaritani. Ed. et prolegomenis instruxit E. Vilmar, Göttingen, 1865.

²³ А. Я. Гаркави. Указ. соч., с. 2.

²⁴ Ed. Robertson. Catalogue of the Samaritan manuscripts in the John Rylands library. Vol. I. Manchester, 1938, col. XXIV.

но, фототипически воспроизведена авторская рукопись, полиграфических проблем это вызвать не должно. Колонтитулы можно продублировать латинской транскрипцией или квадратным шрифтом, то же относится к заглавным словам словарных статей. Единственно допустимым отклонением от графики подлинных документов мы считаем замену чаще всего встречающегося в поздних рукописях «полукурсива» на «строгое письмо». В цитатах мы также считаем необходимым сохранение подлинной огласовки соответствующих источников в тех редких случаях, когда она имеется.

Таковы наши непосредственные планы работы по подготовке словаря самаритянских письменных источников. Этой работой нам хотелось бы внести посильный вклад в развитие отечественной науки и ввести в широкий научный обиход бесценные культурные сокровища, которыми по праву гордятся хранилища нашей страны.

Ставя перед собой столько конкретных задач, мы отдаем себе отчет в том, что они могут показаться слишком обширными или разбросанными. Но все они сводятся к одной—дать надежное пособие исследователям, которые будут работать в этой перспективной области. Не исключено, что в ходе работы, после более глубокого знакомства с источниками по рукописным материалам, от некоторых из них придется отказаться и что могут возникнуть другие, о которых трудно судить заранее. Публикуя это предварительное сообщение, автор с благодарностью примет все пожелания и замечания, которые помогут ему как можно лучше выполнить свою нелегкую, но назревшую задачу.

**ՍԱՄԱՌԱԿԱՆ ԳՐԱՎՈՐ ԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐԻ ԲԱՌԱՐԱՆԻ
ՊԱՏՐԱՍՏՄԱՆ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ
(Ճախնական հաղորդում)**

2. Ս. ԺԱՄԿՈՅԱՆ

Ա մ ֆ ո ֆ ու մ

Սամառական ձեռագրերի հետազոտությունը համարվում է սեմագիտության հեռանկարային հյուղերից մեկը ոչ միայն մեր երկրում, այլև արտասահմանում: Այս հյուղի հետազոտությունը հիմնականում կապված է Եվրոպայի, Ամերիկայի և Ասիայի բազմաթիվ երկրների գրադարանների տվյալների հետ: Այս տվյալների մեջ թեև քանակի տեսակետից առաջին տեղը գրավում է Անգլիայի Մանչեստր քաղաքի «Ջոն Ռայլսդա» գրադարանի հավաքածուն, սակայն կարևորությամբ, ժանրերի բազմազանությամբ և հնությամբ ավելի մեծ արժեք է ներկայացնում Լենինգրադի հանրային գրադարանի սամառական ձեռագրերի հավաքածուն: Այժմ գիտության համաշխարհային կարևոր է պատրաստել սամառական գրավոր աղբյուրների բառարան, քանի որ գոյություն ունեցող բառարանները, լինելով սահմանափակ, չեն բավարարում ներկա պահանջները: Հողվածում ներկայացնում ենք նոր բառարանի կազմության հիմնական գծերը: